

DOI: 10.31857/S086919080021266-9

ЛИВИЯ: КУДА УХОДИТ ПЛЕМЯ, В КАКИЕ ГОРОДА?

© 2022

В.А. КУЗНЕЦОВ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-3646-4037; vasiakuznets@yandex.ru
Scopus Author ID: 57196044428; ID WoS: O-1087-2016

Резюме: Настоящая статья посвящена проблеме роли племен и племенного нарратива в политической жизни современной Ливии. При том, что центральное место племенного фактора в истории Ливии общепризнанно, его роль в политическом процессе последних десяти лет остается не вполне ясной. Племена не выступают ключевыми военно-политическими акторами и не становятся основными участниками различных проектов урегулирования, а сама степень их политической субъектности вызывает множество противоречивых толкований. В связи с этим автор ставит себе задачей рассмотреть роль племенного фактора в ливийском социально-политическом процессе и выявить проявления племенного нарратива у негосударственных ливийских акторов, прежде всего у так называемых милиций. Исследование основано как на опубликованных источниках, так и на материалах интервью автора с ливийскими информантами и экспертами. В первой части рассматриваются некоторые вопросы, связанные с исторической динамикой племенного фактора в Ливии, показываются некоторые существенные лакуны в существующей историографии ливийских племен. Во второй анализируется трансформация роли племен в условиях социальной модернизации. В третьей показываются специфические черты племенных стратегий в 2010-е гг. В четвертой выявляются элементы племенного нарратива у городских милиций, сформировавшихся после 2011 г. Показывается, что урбанизация в 1970–1980-е годы, хотя и стала причиной разложения племен как основных социально-политических структур, ко времени Арабской весны еще не привела к коренному замещению племенного нарратива иными. В результате в условиях распада государственности начался процесс реконструкции племенных структур в новых социальных условиях. Эта реконструкция осуществлялась либо через создание псевдоплеменных групп – милиций, либо через восстановление племенных единств, в том числе, при помощи новых информационных технологий. При этом, однако, вновь укрепившиеся племена стремились к формированию новых политических институтов, деятельность которых была направлена на осуществление территориального контроля.

Ключевые слова: Ливия, племена, милиции, Ливийский конфликт, урбанизация.

Для цитирования: Кузнецов В.А. Ливия: куда уходит племя, в какие города? *Восток (Oriens)*. 2022. № 4. С. 168–181. DOI: 10.31857/S086919080021266-9

LIBYA: TO WHAT CITIES DO THE TRIBES GO?

© 2022

Vasily A. KUZNETSOV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3646-4037; vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ID WoS: O-1087-2016

Abstract: *The article is dedicated to tribes and tribal narratives in the political life of contemporary Libya. While it is widely acknowledged that the tribal factor is crucial in the Libyan history, its role in the political process of the last 10 years remains unclear. The tribes do not seem to become key military and political actors, they remain at the fringes of various reconciliation projects. Their political subjectivity itself brings out a number of controversial interpretations. Considering all that, the author aims to research the role of the tribal factor in social and political processes and discover manifestations of tribal narrative among non-state actors, particularly so-called militias. The following research is based both on published sources and author's interviews with Libyan informants. The first part of the article looks into historical dynamics of the tribal factor. The second one analyzes the transformation of this role in the conditions of social modernization. The third part demonstrates specific traits of tribal strategies in the 2010s. The fourth one identifies elements of the tribal narrative in the actions and agendas of urban militias that have emerged after the overthrow of Muammar Qaddafi in 2011. The article shows that even though the urbanization process of the 1970–80s indeed led to the downfall of tribes as main socio-political structures, it has not yet fully replaced the tribal narrative by the times of the Arab Spring. As a result, the decomposition of statehood brought out the reconstruction of tribal structures according to the new social conditions.*

Keywords: Libya, tribes, militias, Libyan conflict, urbanization.

For citation: Kuznetsov V.A. Libya: To What Cities Do the Tribes Go? *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 168–181. DOI: 10.31857/S086919080021266-9

Несмотря на то, что в современной академической литературе и политико-ориентированных публикациях ливийскому конфликту уделяется довольно значительное внимание, роль племен редко становится предметом специального рассмотрения. Одни авторы рассуждают о процессах миростроительства так, словно племен в Ливии не существует в принципе. Другие же, вроде бы признавая их значимость, ограничиваются простой констатацией факта. Так, А.Р. Аганин в статье, посвященной этой проблеме, ограничивается перечислением племенных групп и их краткими характеристиками, избегая вопроса о соотношении племен и иных форм общественно-политической субъектности [Аганин, 2020]. Немецкий исследователь В. Лахер предлагая интересный обзор племенной политики в доконфликтный период, затем сосредотачивает внимание на изучении территориальных субъектов (Зинтан, Мисрата, Бани Валид, Тобрук и т.д.). При этом он справедливо отмечает, что «...в Ливии, как и везде, социальные изменения, государственная политика и сами племенные политические деятели постоянно изменяют природу и роль племен. В результате не существует предопределенных линий разлома для фрагментации по племенному признаку. Политическая и военная мобилизация с 2011 г. происходила как минимум в той же степени на уровне отдельных городов, что и на племенной основе, что не соответствует ни традиционной лояльности, ни политическому наследию эпохи Каддафи» [Lacher, 2020,

р. 5]. При этом разделить, в каких случаях эта мобилизация осуществлялась на племенной основе, а в каких на территориальной или какой-либо еще, далеко не всегда возможно. Характерны в этом отношении слова одного ливийского эксперта из восточных районов страны, «племена важны там, где они важны, и не важны там, где не важны» [*Интервью с ливийским экспертом*, 2018].

В связи с этим представляется актуальным поставить вопросы не только о том, какое место занимают племена в ливийском политическом поле, но и о том, как какую роль в нем играет специфический нарратив племенного восприятия социально-политической реальности.

Методологически статья основывается на подходах, разрабатывавшихся автором в ряде публикаций, посвященных проблемам неомодернизма и возможностям изучения политических процессов при помощи реконструкции нарративов политических акторов [Кузнецов, 2020].

Источниковую базу исследования составили как опубликованные материалы, так и сведения, почерпнутые автором в ходе интервью с ливийскими информантами и экспертами.

ПЛЕМЕНА В ИСТОРИИ

Начать имеет смысл с краткого обзора исторической динамики племенного фактора в общественно-политической жизни страны. Однако даже в этом, казалось бы, неплохо исследованном вопросе встречаются существенные проблемы.

Первая из них состоит в том, что именно имеется в виду под племенем относительно Ливии.

А.Р. Аганин определяет его как «наибольшую группу людей, ведущих свое происхождение от единого предка», отмечая при этом, что племя могло формироваться и как «военно-оборонительный союз неродственных кланов», объединяющихся вокруг какого-то рода/клана [Аганин, 2020, с. 8]. А. Обейди, ориентируясь на методологию Ибн Халдуна, выделяет в качестве ключевой характеристики племени наличие *'асабийи* [Obeidi, 2001, р. 108–112], однако вслед за Х. Баракатом [Barakat, 1993, р. 54] полагает, что антитезу кочевье-цивилизация (*бадва-хадара*) следует заменить на различие кочевье-село-город. Наличие общинной солидарности считает ключевой характеристикой племени и В. Лахер [Lacher, 2020, р. 57].

Разумеется, эти самые общие характеристики мало что проясняют. Не вполне понятным остается, что такое ливийское племя с точки зрения его внутренней структуры.

Со времен Э.Э. Эванса-Притчарда из работы в работу кочует мысль о сегментарном ацефальном характере ливийских племен [Evans-Pritchard, 1949, р. 57–61]. При этом, если сам антрополог описывал исключительно общество Киренаики, то последующие авторы стали легко распространять предложенные им характеристики на всю территорию страны [Anderson, 2016, р. 48]. Вместе с тем, если даже для киренаикских племен оценка Эванса-Притчарда вызывает некоторую критику [Peters, 1990], то для других регионов она может быть и вовсе неверной. Исследователь племенных структур южного Туниса и Триполитании Мульди Лахмар указывает на слабость власти шейхов и полагает, что основным элементом общественно-политической и экономической жизни западной Триполитании было не племя (*кабия*), а расширенная семья (*'аила*) и сельская община (*дувар*) [Lahmar, 2006]. Несмотря на некоторые возражения В. Лахера [Lacher, 2020, р. 68], представляется, что тезис М. Лахмара близок к истине, по крайней мере, для значительной части населения этого региона. Косвенно он подтверждается и известными данными по некоторым другим регионам Магриба, в частности, по Кабилии [Perret et al., 2012], где основной единицей

социальной организации остается деревня, а также по географически близкому южному Тунису [Lahmar, 1994]. Очевидно, что наличие более точных эмпирических данных относительно других частей Триполитании или Феццана позволило бы говорить о еще большем разнообразии племенных структур в Ливии.

Две другие проблемы связаны со взаимоотношениями между государственной властью и племенами. Конечно, В. Лахер прав, отмечая, что две эти формы политической организации общества, а возможно, и большее их количество (см. работы А.В. Коротаева [Korotayev, 2021]) всегда находились в сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний [Lacher, 2020, p. 67], причем в Ливии и странах Аравийского полуострова (в отличие от Леванта) именно племенам принадлежала ведущая роль в этих взаимоотношениях. Тем не менее не вполне ясно, ни что собой представляла в этом плане ливийская монархия, ни – в еще меньшей степени – чем была Джамахирийя.

Общим местом стал тезис о том, что король Идрис ас-Сенуси опирался именно на племенные структуры в выстраивавшейся им системе управления. Л. Андерсон, показала, что, во-первых, в тот период монархия действовала как союз расширенных семей, а во-вторых, что созданная после получения страной независимости федеративная система «была компромиссом», позволявшим «местным политикам процветать на своей родной земле, придавая стране видимость национального единства» [Anderson, 2016, p. 256]. Конечно, можно списать неэффективность сенусистского государственного управления на недостаток компетентности, однако вряд ли такого объяснения будет достаточно. Проблема, по всей видимости, состояла и в том, что политический класс страны был очень мал и опереться ему было, по сути, не на кого. Слабые политические элиты, не успев сформироваться в 1910–1920-е гг., были уничтожены итальянскими властями, а мощный слой городской буржуазии и оседлого крестьянства в стране попросту не успел сформироваться [Anderson, 2016, p. 221]. В результате накануне обретения независимости общество вернулось к единственным известным ему формам общественно-политического существования – племенам. В то же время вопросы о том, как изменилось ливийское общество за два десятилетия монархического правления, как трансформировалась сама монархия, насколько реально было появление иных альтернатив королевской власти, кроме военных революционеров, взявших в свои руки будущее страны в 1969 г., все еще остаются дискуссионными.

Считается, что, придя к власти, М. Каддафи пытался провести модернизацию, переборов традиционный трайбализм, однако спустя два десятилетия отказался от изначального замысла и сделал племенные структуры опорой своего правления. Из этой схемы, однако, не вполне ясно, какой все же была реальная роль племен в период попыток национальной консолидации на основе арабизма, с одной стороны, и насколько племенной нарратив повлиял на сам характер политического режима автора Третьей мировой теории.

Противодействие племенам и их идеологическая критика в первые годы после Революции 1 сентября были, как представляется, лишь видимыми сторонами политики режима. Обращая на них внимание, нельзя игнорировать три обстоятельства.

Во-первых, какими бы ни были идеалы руководства страны, ему приходилось иметь дело с реальностью, в которой именно племена оказывались основными социально-политическими акторами. И потому, несмотря на многочисленные эксперименты с административно-территориальным делением страны [Anderson, 2016, p. 262–263; Twati, 2012, p. 58–131], упразднение института шейхов [Lacher, 2020, p. 70] и формирование новых органов управления (народных комитетов и конгрессов), в наиболее кризисные моменты М. Каддафи пытался манипулировать племенами, чтобы справиться с любыми оппозиционными силами [Lacher, 2020, p. 70].

Во-вторых, в отношениях с племенами последние никогда не были пассивными объектами государственной политики – напротив, руководствуясь собственным представлением о действительности, они активно использовали новый госаппарат в качестве арены соперничества, пытаясь укрепить собственное влияние. Не случайно, Т. Хюскен отмечает, что в Киренаике они зачастую адаптировали под себя народные комитеты и конгрессы [Hüsken, 2019, p. 48]. В то же время, супруга посла Франции в Ливии в 1982–1985 гг. М. Граеф-Васинк в своих мемуарах постоянно отмечает, что принадлежность к тому или иному племени была важнейшим фактором общественно-политической жизни Триполи того времени [Graeff-Wassink, 2015, p. 30–31].

Наконец, в-третьих, перенос столицы из Киренаики в Триполитанию привел к относительной маргинализации родины сенусизма. И без того менее экономически развитая и модернизированная Киренаика осталась, таким образом, территорией сохранения старого уклада в большей степени, нежели Триполитания [Hüsken, 2019, p. 41] – именно здесь и в Феццане племенной фактор сохранит свое наибольшее влияние на общественную жизнь.

Что же касается влияния племенного нарратива на сам характер режима М. Каддафи, то М. Аттир, описывая специфику ливийской модернизации, отмечает, что, переселяясь в город и встраиваясь в современное общество, бедуины вынуждены были отказываться от некоторых традиционных ценностей в пользу современных, включающих в себя уважение к правилам и нормам поведения, к институтам, к собственности, иное отношение ко времени, т. п. Ливийский феномен, с точки зрения социолога, состоял в том, что люди, не принявшие этих базовых ценностей модернизированного общества, не просто попали в систему госуправления, но и возглавили ее. В качестве яркой иллюстрации М. Аттир приводит эпизод 1985 г., когда руководители революционных комитетов сожгли все архивы актов гражданского состояния в Триполи, в которых хранилась информация о городской собственности за последние несколько столетий. Событие, катастрофическое с точки зрения городской культуры, рассматривалось как не особо значимое в рамках племенного сознания, которому чуждо уважение не только к частной собственности, но и к правовым документам [Attir, 2016, p. 60–61]. М. Уаннес и вовсе в связи с этим говорит о «трайбализации государства» при позднем Каддафи [Ouannes, 2009, p. 319–345].

Смена курса М. Каддафи в 1990–2000-е гг., когда племена стали едва ли не ключевым элементом управления страной, с точки зрения В. Лахера, имела негативный эффект не только для страны, но и для самих племен. Грубое вмешательство во внутреннюю жизнь племенных сообществ и активное манипулирование ими привели к их ослаблению и утрате ими значительной степени самостоятельности [Lacher, 2020, p. 73].

Если с самим выводом немецкого ученого спорить сложно, то предлагаемая им аргументация не кажется убедительной. В конце концов, окажись племена ключевыми акторами Арабской весны и последующих событий, все приводимые им аргументы можно было бы использовать для того, чтобы показать, как при М. Каддафи происходила консервация трайбализма. Аргумент, который можно использовать для доказательства двух прямо противоположенных тезисов, лишается смысла.

Возможно, утрата племенами значительной доли субъектности связана не с политическими факторами, а с социальными.

ПЛЕМЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

При анализе последних имеет смысл обратить внимание на три процесса: динамику численности населения страны, урбанизацию и развитие системы образования.

Несмотря на то, что в Ливии восемь раз проводились переписи населения (1931, 1936, 1954, 1964, 1973, 1984, 1995, 2006 гг.), все доступные данные о его численности в стране вызывают серьезные сомнения. Эванс-Притчард отмечал, что никто не знает, сколько людей живет в Киренаике, однако регион кажется недонаселенным [Evans-Pritchard, 1949, p. 39] – это было написано тогда, когда в стране уже было проведено две переписи населения. Понятно, что в условиях доминирования кочевого уклада и весьма некомпетентной работы колониальной администрации рассчитывать на точность статистики не приходилось. Установление в 1969 г. режима М. Каддафи ситуации, кажется, кардинально не улучшило – по крайней мере, многочисленные дошедшие до нас анекдотические свидетельства свидетельствуют о весьма низком уровне учета в Джамахирии. Тем не менее даже весьма условные доступные данные, по всей видимости, могут быть использованы для описания общей тенденции демографических изменений. Для надежности сведения переписей можно сравнить с теми цифрами, которые предлагает Всемирный Банк (ВБ).

В целом, эти два источника дают схожую картину. Согласно ВБ, население Ливии составляло: в 1960 г. 1 448 416, в 1970 г. – 2 133 527, в 1980 г. – 3 219 462, 1990 г. – 4 436 663, в 2000 г. 5 357 893 и в 2010 г. – 6 197 667 человек [The World Bank Data. Libya, 2021]. Согласно переписям: в 1954 г. – 1 041 599, в 1964 г. – 1 515 501, в 1973 г. – 2 052 372, в 1984 г. – 3 231 059, в 1995 г. – 4 389 739 и в 2006 г. – 5 323 991 человек [Daw, El-Bouzedi, 2019, p. 4879–4880].

Если ориентироваться на данные ВБ, то можно заметить, что прирост населения по десятилетиям составлял 47, 50, 37, 20 и 17%; в то время как переписи дают 45, 35, 57, 35 и 21%. Оба источника, таким образом, указывают на резкое замедление темпов прироста в первой половине – середине 1990-х гг. М. Ат-Туайр, анализируя динамику численности населения при М. Каддафи, также указывает, что наиболее высоким коэффициент был в 1973–1984 гг. – 5,1 – и упал до 2,8 в 1995–2006 гг. При этом он отмечает, что резкий рост в 1970-е гг. был связан, в том числе, и с притоком иностранных мигрантов [Attwairi, 2017, p. 5]. Нет сомнения, что это важное обстоятельство оказывало свое влияние, однако, кажется, снижение темпов роста к концу столетия было связано не в меньшей мере с завершением демографического перехода.

Подтверждением этого тезиса служат данные по росту городского населения. О.Э. Эльбендак в связи с этим приводит следующую статистику (в тыс. чел.): 1960 г. – 358 (24%), 1970 – 862 (40%), 1980 – 1903 (59%), 1990 г. – 3146 (70,9%), 1995 г. – 3882 (88%) и 2000 г. – 5115,45 (95%) [Elbendak, 2008, p. 70] городских жителей. Несмотря на то, что эти цифры значительно выше тех, что приводит Ат-Туайр [Attwairi, 2017, p. 3], в обоих исследованиях видна одна и та же тенденция – в 1970-е гг. городского населения в стране стало больше, чем сельского.

Параллельно с этим ускоренное развитие получила система образования [Elabbar, 2017], в том числе женского – к 2009 г. половину всех обучающихся составляли женщины [Attir, 2016, p. 17]. Это дало основание М. Аттиру даже утверждать, что, если западная модель модернизации предполагает последовательность «индустриализация – урбанизация – образование – модернизация», то в ливийском случае логика была перевернута: развитие системы образования вело к урбанизации и затем к модернизации [Attir, 2016, p. 93].

Снижение темпов прироста населения, таким образом можно считать естественным следствием процессов урбанизации и развития системы образования: в 1990-е гг. во взрослую жизнь вступили дети тех, кто переселялся в города в 1970–1980-е гг., а в 2010-е гг. – третье поколение горожан.

Разумеется, урбанизация как таковая не означает моментального кризиса племенной системы. Неслучайно, исследователи, опирающиеся на данные 1990-х гг., отмечают, что

многие переселенцы зачастую селились в городских агломерациях (прежде всего в Триполи и Бенгази, на которые приходилось до 40% городского населения) целыми родами по кварталам [Lacheg, 2020, p. 69], перенося сюда нормы племенных отношений. Тем не менее О.Э. Эльбендак, опираясь на опрос 300 респондентов из Триполи, показывает, что чуть более половины из них ассоциировали себя с малыми нуклеарными семьями [Elbendak, 2008, p. 182], а в другом месте даже утверждает, что ливийское общество было племенным *ранее* [Elbendak, 2008, p. 136].

Такая оценка серьезно расходится с данными А. Обейди, полученными им в ходе полевых исследований в 1994 г. Из 492 его респондентов 96% принадлежали к племенам и около 90% чувствовали привязанность к ним. Однако при этом почти половина опрошенных (47%) были бы рады отказаться от своей племенной идентичности в пользу общеливийской [Obeidi, 2001, p. 121–125].

По всей видимости, можно предположить, что уже проявившееся у первого и второго поколения горожан внутреннее противоречие между привязанностью к племени и стремлением отказаться от племенной культуры у следующего поколения стало еще более выраженным. В результате к началу второго десятилетия XXI в. племя как политический и социально-экономический институт начало исчезать из ливийской общественной реальности, однако оно сохранило присутствие в качестве одного из существенных элементов идентичности и в качестве источника специфического нарратива. Косвенным образом этот вывод подтверждается и полевыми исследованиями П. Коула и Ф. Манган, проводившимися в 2015 г. в Тобруке, Бани Валиде и Сабхе: притом что порядка $\frac{3}{4}$ опрошенных идентифицировали себя с племенами (значительно меньше, чем у Обайди!), лишь 13% встречались с племенными лидерами в течение предыдущего года и лишь треть считала племенную принадлежность поводом для гордости [Cole, Mangan, 2016, p. 10–12].

ПЛЕМЯ ПОСЛЕ 2011 г.

Разумеется, это ослабление племен еще не означало их полного исчезновения с социально-политической карты страны. Более того, после 2011 г. в ситуации ослабления государственности произошло их некоторое возрождение. А.Р. Аганин называет длинный список управленческих структур, созданных теми или иными племенами и племенными конфедерациями [Аганин, 2020, с. 32] в условиях политической турбулентности 2010-х гг., однако установить их реальный вес довольно сложно. Приводимая автором цитата шейха киренаикского племени *обайдат* [Mana⁴, 1991, p. 176] о том, что в стране «попросту идет межплеменная война» [Mana⁴, 1991, p. 31] примечательна, однако не как констатация факта (он вообще-то ничем не подтверждается), а как демонстрация возможной перцепции текущих событий.

В целом, по всей видимости, можно выделить некоторые общие тенденции, связанные с деятельностью племен в 2010-е гг.

Во-первых, как уже было отмечено, ни революция 2011 г., ни последующий вооруженный конфликт, ни разнообразные инициативы по урегулированию никогда не развивались на племенной основе. Племена могли быть более или менее важными факторами в развитии этих процессов, но никогда и нигде они не были их основными субъектами. Даже вызывающая противоречивые оценки Национальная конференция, инициированная Гасаном Саламе и готовившаяся базирующимся в Швейцарии Центром гуманитарного диалога, хотя и строилась по принципу «снизу вверх» с опорой на локальные силы, не включала в себя отдельно племенные институты [The Libyan National Conference Process. Final Report, 2018, p. 8].

Во-вторых, племена играли более значимую роль в Киренаике, чем в Триполитании. Если усиление или ослабление Ливийских арабских вооруженных сил (ЛИАВС, более точное название Ливийской национальной армии (ЛНА) Х. Хафтар) в значительной степени зависело от поддержки ее со стороны крупных племенных групп Киренаики, то в Триполитании, где проживает до двух третей населения страны, логика политических коалиций с племенами почти никогда связана не была. По всей видимости, это объясняется меньшей концентрацией киренаикского населения, традиционно более мозаичной племенной структурой этого региона и в целом сравнительно более низким уровнем его модернизации.

В-третьих, ряд крупных племен после 2011 г. оказался расколот. Самый известный из таких случаев – это самое большое ливийское племя *варфалла* [Mana', 1991, p. 387], западные части которого, сконцентрированные в г. Бани Валид поддержали Каддафи и сохранили верность павшему режиму на несколько лет вперед, в то время как восточные сразу встали на сторону революции [Ben Lamma, 2017, p. 16–17]. При этом расколы в племенах происходили не только по горизонтали – между различными сегментами или территориальными общностями, но и по вертикали. В. Матросов в своем интересном исследовании [Матросов, 2022] показал существование глубокого межпоколенческого раскола в киренаикском племени *'авакир* [Mana', 1991, p. 116], молодежь которого обвиняла традиционных племенных лидеров в слабости и оппортунизме.

В-четвертых, ослабление государственной власти привело к возобновлению старых межплеменных конфликтов – не столько за территорию как таковую, сколько за ресурсы. Изменение политического баланса, лишившее покровительства одни племена, создало окно возможностей для других. Ярким примером такого конфликта стало противостояние между *ауляд сулейман* [Mana', 1991, p. 261] и *кададфа* [Libye: La tribu "Ouled Slimane", 2021, p. 7].

В-пятых, в отношениях племен с большой политикой может быть выделено две линии. С одной стороны, племена используют существующие политические институты как источники ресурсов и поле для противостояния, как это всегда и было. В этом плане продвижение того или иного представителя племени в структурах безопасности или же его выдвижение на ответственные политические посты рассматривается как успех племени, усиливающий его позиции. Вместе с тем тот или иной политик или военный руководитель не может рассматриваться исключительно как представитель племени, и племенная поддержка ему вовсе не всегда гарантирована априори. Пожалуй, ни один из крупных лидеров 2010-х гг. не добился своего положения исключительно или главным образом благодаря племенным связям. Более того, во время обострения отношений между Х. Хафтаром и Агилой Салехом весной 2020 г. положение последнего определялось во многом тем, будет ли выказано ему доверие со стороны крупнейшего киренаикского племени *обайдат* или нет [Интервью с представителями ливийских властей в Тобруке, 2020]. В конечном счете племя его поддержало, однако это не было само собой разумеющимся. С другой стороны, племена пытаются сами становиться политическими акторами и формируют различные институты управления, в традиционной системе, вообще говоря, отсутствовавшие (Общественный совет племен *варфалла* (*ал-Маджлис ал-иджтима'ий ли-каба'ил варфалла* [Al-Majlis al-ijtima' i li kaba' il warfalla S.C.W.T., 2021]), Высший совет нотаблей и правителей Зинтана (*аль-Маджлис аль-а'ла ли-а'йан ва-л-хукама' аз-Зинтан* [Al-Majlis al-a' la li a' yan wa al-hukama' al-Zintan, 2021]) и т. п.). Эти институты оказываются действенными, главным образом в тех случаях, когда речь идет о компактном расселении племени – доминируя на какой-то территории, оно способно сформировать на ней собственный административный аппарат.

В-шестых, можно заметить, что племена начали активно использовать современные средства коммуникации (прежде всего «Фейсбук») для укрепления племенной идентичности [Матросов, 2022].

Наконец, в-седьмых, племенной нарратив в целом сохранил свои основные черты. Анализируя материалы *‘авакир* в «Фейсбуке», В. Матросов говорит о бессодержательности многих публикаций, вроде броских слоганов, возвеличивающих племя, изображений львов, орлов или дорогих автомобилей и т. п. [Матросов, 2022]. Однако если посмотреть на них в контексте общих традиций племенной культуры, то можно заметить, что здесь ярко проявляются основные черты традиционного племенного нарратива с его ценностями единства, благородства, отваги и т. п., восхвалением себя и соплеменников, поношением противников, оплакиванием героев, стремлением к доминированию над другими, культом силы и т. д.

В целом можно видеть некоторое противоречие между реальной ролью племен в политическом процессе и их отношением к политическому как таковому.

Отношение оставалось вполне традиционным: племена рассматривают себя как самостоятельных акторов, борются друг с другом, пытаются соперничать в политическом поле. Более того, можно даже сказать (с некоторой осторожностью), что для молодого поколения племенные идеалы стали более важными, нежели для их более склонных к интеграции в модернизированное институциональное политическое пространство родителей.

Вместе с тем реальное место племен серьезным образом изменилось. Племена оказываются эффективными социально-политическими организмами тогда, когда могут консолидироваться на территориальной, прежде всего городской платформе, будь то в Зинтане, Бани Валиде или Тархуне. Однако в этих случаях создаваемые ими институты управления, в сущности, становятся институтами территориального, а не племенного контроля.

Однако, если верно, что племена сдали свои позиции в качестве социально-политических акторов, то возникает вопрос, что пришло им на смену.

НОВЫЕ ПЛЕМЕНА 2010-х гг.?

Наблюдение за ливийским политическим процессом наводит на мысль, что это были вовсе не международно признанные (полностью или частично) структуры – такие как Палата представителей, Президентский совет или многочисленные правительства (Национального спасения, согласия или единства). Иногда предпринимающиеся попытки свести всю сложность конфликта к противостоянию Запада и Востока Ливии также не выдерживают критики. Во-первых, потому что в весьма отдаленных друг от друга столицах этих двух исторических регионов и сконцентрирована основная часть населения страны, а следовательно любое гражданское противостояние превращается в борьбу Востока и Запада просто в силу географии. Во-вторых, потому что об абсолютной консолидации регионов также говорить не приходится: противостояние Зинтана и Мисураты, Мисураты и Сирта, Триполи и Тархуны, обособленность Бани Валида и т.д. были постоянным рефреном конфликта на протяжении всех последних десяти лет. На Востоке, несмотря на более выраженное единство, также периодически происходили конфликты между основными городскими центрами (в частности, это касается хафтаровской Операции «Достоинство» по установлению контроля над Бенгази и затем над Дерной) [Eaton et al., 2020, p. 21].

На мысль о второстепенности государственных институтов наводит еще и то обстоятельство, что все ключевые события последних лет, нарушавшие запланированный ход политического процесса, были связаны с деятельностью негосударственных акторов: конфликт зинтанских и мисуратских формирований и появление альянса «Заря Ливии» в

2014 г., наступление ЛАВС на столицу, сорвавшее планировавшуюся национальную конференцию в 2019 г., срыв выборов в 2021 г. и т. д.

Ключевыми акторами во всех этих событиях становятся так называемые милиции, вроде Революционной бригады Триполи (*катиба суввар ат-Тараблус*) и других подобных структур. При том, что их деятельность на территории страны анализируется сегодня довольно подробно [Eaton et al., 2020, p. 21], сама их природа остается до сих пор не вполне ясной.

Представляется, что может быть выделен десяток характеристик, отличающих ливийские милиции как от иных форм самоорганизации общества, так и от одноименных структур в других странах (Ливане, Ираке и т. д.).

Первая из таких характеристик – это очевидный военизированный характер милиций. Какие-то из этих групп были созданы в ходе революции 2011 г. для борьбы со сторонниками М. Каддафи, и их бойцы проходили специальное обучение (например, в созданных при помощи Али Бельхаджа в районе Зинтана лагерях), какие-то возникли позже как своеобразные отряды самообороны. Как бы то ни было, после своего создания они стали действовать в качестве военизированных групп, занимающихся, в том числе, силовым предпринимательством [Волков, 1999, с. 56]. При этом, в отличие от многих иных форм социально-политической организации они демонстрируют довольно большую устойчивость – значительная часть милиций, возникших в 2011 г., действует и сегодня.

Вторая существенная характеристика – это то, что в большинстве своем милиции формируются на территориальной основе, и городская идентичность играет существенную роль в их деятельности. В этом их отличие от традиционных бандитов, некогда описанных Э. Хобсбаумом [Хобсбаум, 2020], афганских полевых командиров [Marten, 2012], созданных на конфессионалистской платформе организаций Ирака [Мамедов, 2021, с. 206–211] и т. д. В начале 2010-х гг. в Триполи шла непрерывная борьба между милициями Зинтана и Мисураты [Lacher, Al-Idrissi, 2018]. Присоединение Сирта к ИГ (запрещено в России) воспринималось местным населением как путь отстаивания собственной независимости от мисуратских формирований [Интервью с жителями Триполи, 2018]. Во время похода Х. Хафтара на Триполи основное сопротивление ему также было оказано местными милициями, отстаивавшими независимость своего города и действовавшими как городские ополчения. В то же время в менее урбанизированных регионах – в Киренаике и Фецфене – формирование милиций может происходить и на не городской платформе – либо на этнической (тубу, туареги), либо на племенной. В частности, ЛАВС иногда описываются как «амальгама формальных единиц смешанного племенного состава» [Eaton et al., 2020, p. 21].

В некоторых случаях территориальная идентичность милиции может дополняться той или иной идеологией. Так, есть ряд структур (как те же *Кувват ар-рад'*), приверженных салафитским взглядам, были милиции, сблизившиеся с ИГ (запрещено в России), были те, что заявляли о своей верности М. Каддафи. Однако ни в одном из случаев, как представляется, идеология не является ключевой характеристикой милиции. Во многих случаях примыкание милиций к тому или иному течению воспринимается ливийцами не более, чем как проявление политического прагматизма [Интервью с жителями Триполи, 2018], и поэтому модные за пределами страны рассуждения о близости одних к Братьям-мусульманам, других – к салафитам-мадхалитам, а третьих к джихадистам зачастую вызывают ироническую реакцию.

Милиция не только возникает (в основном) на территориальной основе, но и стремится к контролю над территорией, которую она рассматривает прежде всего как источник ресурсов. В 2018 г. в Триполи все знали, какие районы какая из сил контролирует и какие находящиеся в этих районах объекты приносят ей тот или иной доход. *Кувват ар-рад'* контролировали городскую тюрьму и аэропорт, 301-й Батальон контролировал оптовый

рынок, силы, подконтрольные Наджи Гниди, обеспечивали безопасность Миссии ООН и т. д. В то же время между несколькими милициями шло противостояние за контроль над отелом «Коринфия», в котором селились многие приезжавшие в страну иностранцы.

На подконтрольной территории милиция занимается не только силовым предпринимательством, превращая безопасность в предмет рыночных отношений, но и зачастую выполняет административные и судебные функции – в этом ее принципиальное отличие от обычных криминальных группировок. Контролировавший район Абу Слим ‘Абд ал-Хани ал-Кикли создал там Центр поддержки Абу Слим – специальную структуру для работы с населением, приняв туда на работу, в том числе, и бывших полицейских. Возглавлявший 301-й батальон ‘Абд ас-Салям аз-Зуби также создал специальную структуру для разбора конфликтов между местными жителями. *Кувват ар-рад* ‘Абд ар-Рауфа Кара осуществляют, среди прочего, функции полиции нравов. В Киренаике в 2017–2018 гг. ЛАВС стали превращаться из чисто военной в военно-экономическую и военно-административную структуру, беря на себя функции развития местной экономической инфраструктуры и осуществления некоторых административных функций [Eaton et al., 2020, p. 29–32; *Интервью с экспертом из Тобрука*, 2019].

Будучи довольно устойчивой структурой, ведущей разнообразную деятельность, милиция, как правило, обладает не только самоназванием, но и собственной символикой.

Важным элементом в ее деятельности становится фигура лидера. Такие возглавлявшие основные столичные милиции фигуры как Хайтам ат-Таджури, ‘Абд ар-Рауф Кара, Башир ал-Бугра, ‘Абд ал-Хани ал-Кикли, ‘Абд ас-Салям аз-Зуби, Наджи Гниди, а также их «политический отец» Хашим Бишр, вместе с Абделхакимом Белхаджем создавший Революционные бригады Триполи, на протяжении нескольких лет были у всех на слуху, и взаимодействие между подчиненными им силами рассматривалось, как правило, как взаимодействие между их лидерами. Довольно существенно при этом, что каждый из лидеров наделялся собственной биографией, некоторые элементы которой, по всей видимости, соответствовали реальности, в то время как другие носили очевидно легендарный характер. В рассказах о большинстве лидеров говорилось, что они, хотя и родились в Триполи, изначально не из этих мест – либо из семей выходцев из Машрика (Кара, Гниди), либо с востока страны (Таджури), либо из семьи, которая какое-то время жила в Машрике (Бишр). Так или иначе, они зачастую не вписывались в традиционную локальную племенную структуру и подчас занимали непривилегированное положение при Каддафи, многие прошли через тюремное заключение. При этом большинству из них приписываются такие качества, как богобоязненность, мужественность, отвага, стремление к справедливости. Проверить эти данные, конечно, сложно, однако бросается в глаза несоответствие довольно скромного места этих лидеров в традиционной социальной иерархии с приписываемыми им замечательными личными качествами – это, вообще говоря, довольно типично для рассказов как о разного рода «народных мстителях», так и о племенных героях (ср. с жизнеописанием ‘Антары бин Шаддада).

Наконец, еще один важный момент, это то, как милиция выстраивает свои отношения с иными общественно-политическими акторами. Представляется, что стратегии ее взаимодействия с государственными институтами и другими милициями принципиально различны. Если другие милиции выступают как партнеры и конкуренты, то государство во всей совокупности своих институтов является источником ресурсов и полем для соперничества. Физический контроль над государственными учреждениями, похищение крупных чиновников или интеграция в те или иные силовые структуры в качестве отдельных подразделений – все это пути обогащения, расширения ресурсной базы.

ВЫВОДЫ

Описанная выше динамика роли племенного фактора в современной Ливии позволяет утверждать, что процессы урбанизации, в 1970-е гг. вызвавшие превалирование городского населения над сельским и сопровождавшиеся быстрым развитием системы образования, привели в XXI в. к ослаблению племен в качестве основных социально-политических структур ливийского общества, однако не стали причиной исчезновения племенной идентичности и племенного нарратива. В условиях ослабления государственности в 2010-е гг. это привело к двум следствиям. С одной стороны – к попыткам укрепления племен, которые оказывались эффективными в случаях установления административного контроля над ограниченной территорией и создания новых институтов управления. С другой же стороны – к формированию милиций, которые могут рассматриваться не как всего лишь форма криминальных группировок, но как некие городские варианты племенных структур – своеобразные псевдоплемена.

Есть, по меньшей мере, три аргумента в пользу этого тезиса. Во-первых, милиции действуют подобно племенам. Нарратив, при помощи которого они интерпретируют действительность, имеет все те же черты, что и племенной, известный нам по другим арабским государствам. История деятельности милиций – это эпос о противостоянии скрепленного узам *'асабиий* братства с его соперниками за территорию и ресурсы. То обстоятельство, что это повествование носит эпический характер, заметно всякому, кто пытается поведать о милициях Триполи. Все рассказы об их деятельности – это бесконечная череда повествований о создающихся и разваливающихся союзах, конкуренции, предательствах и битвах. В них много увлекательных сюжетов и захватывающих эпизодов, однако суть всегда сводится к одному и тому же – «наши» побеждают «их» и доказывают свое превосходство. При этом никакого исторического движения, глобальной цели – установления контроля над страной, прекращения конфликта, достижения социальной справедливости или торжества религиозной или политической идеи – здесь нет и быть не может. Доблесть, благородство, простота в обращении с людьми, справедливость остаются главными идеалами этих повествований, а стремление к доминированию – основным модусом отношений с конкурентами.

Во-вторых, феномен перерождения племен в милиции вполне объясним логически. В самом деле, ко второму десятилетию нынешнего века ливийское общество оказалось в непростой ситуации. Урбанизация привела к кризису племенной структуры, однако никакой действенной альтернативы ей предложено не было. Значительная часть населения оставалась безработными, государство продолжало делать ставку на племена в системе управления, еще и всячески акцентируя внимание на верности традиционным племенным ценностям. В условиях распада всех систем управления естественным образом общество стало реорганизовываться в соответствии с единственным известным ему нарративом – племенным, воссоздавая псевдоплеменные структуры в новых условиях. Характерно при этом, что в тех регионах, где племена еще сохранялись как действенные социально-политические акторы, как в Киренаике, городские милиции получили меньшее развитие. В сущности, повторялась описанная Л. Андерсон история XX в., когда разрушение слабых элементов модернизации заставляло общество снова и снова обращаться к своему племенному опыту.

Наконец, в-третьих, это подтверждается отчасти и недавней историей соседнего Туниса. Конечно, там никаких городских милиций сформировано не было, однако процессы седентаризации и урбанизации там также привели к переносу племенных отношений в городскую среду, в результате чего стали формироваться территориальные группы, осознававшие собственное единство и конкурировавшие между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аганин А.Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе. *Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск пятьдесят четвертый)* М.: Институт Ближнего Востока, 2020. С. 5–40 [Aganin A.R. Libyan Tribes and Their Role in the Political Process. *The Contemporary Middle East No. 54 (Collection of Articles)*. Moscow: IIMES, 2020. Pp. 5–40 (in Russian)].
- Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России. *Социологические исследования*. 1999. № 1. С. 56–65 [Volkov V.V. Force Entrepreneurship in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. 1999. No. 1. Pp. 56–65 (in Russian)].
- Интервью автора с жителями Триполи. Август 2018 [Author's Interview with Tripoli Locals. August 2018 (in Russian)].
- Интервью автора с ливийским экспертом. 2018 [Author's Interview with a Libyan Expert. 2018 (in Russian)].
- Интервью автора с экспертом из Тобрука. 2019 [Author's Interview with an Expert from Tobruk. 2019 (in Russian)].
- Интервью автора с представителями ливийских властей в Тобруке. Апрель 2020 [Author's Interview with Libyan Authorities in Tobruk. April 2020 (in Russian)].
- Кузнецов В.А. Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс. *Восточный курьер*. 2020. № 3–4. С. 27–43 [Kuznetsov V.A. Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case. *Oriental Courier*. 2020. No 3–4. Pp. 27–43 (in Russian)].
- Мамедов Р.Ш. *Формирование политической элиты Ирака в постсаддамовский период*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГИМО-Университет, 2021 [Mamedov R.S. *Formation of Iraqi Political Elite in the Post-Saddam Era*. PhD (History) Thesis. Moscow: MGIMO University, 2021 (in Russian)].
- Матросов В.А. *Социальные сети как фактор формирования племенной идентичности: кейс племени ал-'авакир*. Рукопись, 2022 [Matrosov V.A. *Social Networks as a Factor of Tribal Identity Formation: Case of Al-'Awakir Tribe*. Manuscript, 2022 (in Russian)].
- Хобсбаум Э. *Бандиты*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020 [Hobsbawm E. *Bandits*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2020 (Russian translation)].
- Anderson L. *The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830–1980*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Attir M.O. *Conflict between the Tent and the Palace: a Critique of the Libyan Pattern of Modernity*. Create Space Independent Publishing Platform, 2016.
- Attwairi A. *The Contribution of Population Growth to the Libyan Rapid Urbanization*. 2017.
- Barakat H. *The Arab World: Society, Culture and State*. California: University of California Press, 1993.
- Ben Lamma M. La structure tribale en Libye: facteur de fragmentation ou de cohésion? *Observatoire du monde arabo-musulman et du Sahel*. 2017. <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/14.pdf> (accessed: 07.02.2022)
- Cole P., Mangan F. *Tribe, Security, Justice, and Peace in Libya Today*. Washington: United States Institute of Peace, 2016.
- Daw M.A., El-Bouzedi A.H. Trends and Projections of Demographic Indices of Libyan Population Using a Fifty-Year Census Data 1954–2016. *African Population Studies*. 2019. Vol. 33. No. 2. Pp. 4876–4890.
- Eaton T., Alageli A.R., Badi E., Eljarh M., Stocker V. *The Development of Libyan Armed Groups Since 2014. Community Dynamics and Economic Interests*. London: Chatham House, 2020.
- Elabbar A.A. National Libyan Public Education Reform: Entire Transformative Strategies, 2020–2026. *American Journal of Educational Research*. 2017. Vol. 5. No. 10. Pp. 1044–1057.
- Elbendak O.E. *Urban Transformation and Social Change in a Libyan City: An Anthropological Study of Tripoli*. Submitted in fulfilment of the PhD degree. Maynooth: National University of Ireland, 2008.

- Evans-Pritchard E.E. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: The Clarendon Press, 1949.
- Graeff-Wassink M. *La Libye de Kadhafi revisitée. Un témoignage vécu*. Paris: Éditions Karthala, 2015.
- Hüsken T. *Tribal Politics in the Borderland of Egypt and Libya*. London: Palgrave Macmillan, 2019.
- Korotayev A.V. From Chiefdom to Tribe? Trends in the Evolution of Political Systems in North-Eastern Yemen in last Two Millenia. *Nouvelles Chroniques du manuscrit au Yemen*. 2021. No. 3(32). Pp. 93–115.
- Lacher W. *Libya's Fragmentation. Structure and Process in Violent Conflict*. London: Bloomsbury Publishing, 2020.
- Lacher W., Al-Idrissi A. *Capital of Militias. Tripoli Armed Groups Capture the Libyan State. Small Army Survey. Briefing Paper*. June 2018. <https://www.smallarmssurvey.org/resource/capital-militias-tripoli-armed-groups-capture-libyan-state> (accessed: 07.02.2022).
- Lahmar M. *Du mouton à l'olivier : Essai sur les mutations de la vie rurale maghrébine*. Tunis : Cérès Editions, 1994.
- Lahmar M. Libyens et Italiens en Tripolitaine (1911–1928). Quels territoires d'allégeance politique? *Être notable au Maghreb. Dynamique des configurations notabilliaires*. Ed. A. Henia. Tunis: Institut de recherche sur le Maghreb contemporain, 2006. Pp. 121–138.
- The Libyan National Conference Process. Final Report*. 2018. https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2019/01/NCP-Report_Jan-2019_EN_Online.pdf (accessed: 07.02.2022).
- Libye: La tribu "Ouled Slimane"*. Office français de protection des réfugiés et apatrides, 2021. https://www.ofpra.gouv.fr/sites/default/files/atoms/files/2104_lby_ouledslimane_126668.pdf (accessed: 07.02.2022).
- Al-Majlis al-a'la li a'yan wa al-hukama' al-Zintan [Council of Notables and Wise Men of Zintan (in Arabic)]* <https://www.facebook.com/100948807972076-الزنتان-حكماء-الأعلى-المجلس-الأعلى/> (accessed: 07.02.2022).
- Al-Majlis al-ijtima'i li kaba'il warfalla S.C.W.T. [The Social Council of Warfalla Tribes (in Arabic)]*. (accessed: 07.02.2022).
- Mana' M. A. *Al-ansab al-'arabiya fi Libiya. Al-tabi'a al-thaniya*. 1991 [Mana' M.A. Arab genealogies in Libya. Second Edition. 1991 (in Arabic)].
- Marten K. *Warlords: Strong-Arm Brokers in Weak States*. New-York: Cornell University Press, 2012.
- Obeidi A. *Political Culture in Libya*. Richmond, Surrey: Routledge Curzon, 2001.
- Ouannes M. *Militaires, élites et Modernisation dans la Libye contemporaine*. Paris: L'Harmattan, 2009.
- Perret C., Paranke B., Achir M. L'organisation sociopolitique des villages kabyles: une gouvernance spécifique des ressources naturelles. *Revue de L'Organisation Responsable*. 2012. Vol. 7(2). No. 69. Pp. 1–24.
- Peters E. *The Bedouin of Cyrenaica: Studies in Personal and Corporate Power*. Cambridge-New York: Press Syndicate of the University of Cambridge. 1990.
- Twati M. *L'Organisation des pouvoirs publics territoriaux en Libye. Pour une meilleure repartition des compétences en aménagement du territoire. Thèse doctorat*. Tours: Université François Rabelais, 2012.
- The World Bank Data. Libya*, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович –
кандидат исторических наук, заведующий
Центром арабских и исламских исследований
Института востоковедения РАН, Москва,
Россия.

Vasily A. KUZNETSOV, PhD (History),
Head of the Center for Arab and Islamic Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia.